

Дмитрий Владимирович ТЕЛЕГИН — студент 5-го курса Международного института финансов, управления и бизнеса ТюмГУ, бакалавр Университета г. Вулверхэмптон (Великобритания)

УДК 336.1(4)

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ РАСШИРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ВОСТОК В АСПЕКТЕ СОЮЗНОГО БЮДЖЕТА

АННОТАЦИЯ. Вопрос о расширении Европейского союза выходит за рамки лишь внутренней политики этой международной организации и может оказаться судьбоносным для большинства стран Евразийского континента. В работе освещается эволюция взглядов на «цену» расширения ЕС на восток, выраженную в увеличении бюджетных расходов в связи с принятием в союз десяти новых стран-членов:

The issue of enlargement of the European Union is broader than that of internal politics of the organisation. It may easily prove critical for the future state of affairs in the whole Euro-Asian continent. The article sheds some light upon the evolution of opinion towards the «price» of the enlargement to the East as taken in the additional budgetary expenses provoked by the accession of ten New Members.

Первого мая 2004 г. произошло вступление восьми восточно-европейских стран¹, а также Кипра и Мальты в Европейский союз. Состав ЕС при этом возрос до 25 полноправных стран-участниц. Включение столь большого числа менее развитых в экономическом отношении стран — бывших членов Совета Экономической Взаимопомощи — в состав ЕС явилось беспрецедентной вехой в почти полувековой истории существования объединения.

Необходимость расширения границ союза в восточном направлении изначально основывалась на желании пятнадцати стран-участниц избежать возможной дестабилизации политико-экономической обстановки в регионе Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) после распада СССР. Вступление на рельсы маркетинга крупного контингента бывших социалистических стран, значительно уступающих в развитии индустриально развитым странам Запада, создало вероятность возникновения политической напряженности со стороны развивающихся стран Восточной Европы в случае срыва в проведении ими экономических реформ. Наряду с экономическими мотивами, главным образом заключающимися в наличии значительного потенциала для расширения Единого рынка, эти причины заставили ЕС идти на сближение со странами ЦВЕ, которое выразилось в подписании начиная с 1991 г. двусторонних Европейских соглашений с названными странами. Главной целью Соглашений было установление ориентиров для совершенствования политических и экономических систем стран-кандидатов, при условии достижения которых они могли рассчитывать на членство в ЕС.

Сам факт того, что расширение ЕС произошло, указывает на признание Европейской комиссией удовлетворительного выполнения восемью странами ЦВЕ, включенными в состав союза, поставленных ею критериев развития. Однако в академической литературе вплоть до недавнего времени не утихали споры относительно правомерности оценок, сделанных Европейской комиссией. В частности, дискуссионным оставался вопрос о степени экономической подготовленности

¹ А именно Чехии, Словакии, Венгрии, Польши, Эстонии, Словении, Латвии и Литвы.

стран-кандидатов, а также самого ЕС к взаимному открытию рынков и унификации правил торговли, по сути являющейся решающим фактором в процессе безболезненной экономической интеграции столь крупного блока стран, характеризующихся значительно более низким уровнем дохода на душу населения, чем в ЕС-15¹. Существенное увеличение нагрузки на бюджет Евросоюза (составляющий лишь около 1% совокупного ВВП пятнадцати стран), прогнозируемое как неизбежный результат присоединения стран ЦВЕ со статусом чистых получателей бюджетных средств, вызывало серьезные опасения у аналитиков на протяжении всего подготовительного этапа расширения.

Все это послужило сдерживающим фактором на пути к скорому расширению ЕС на восток. Однако, как становится ясно из обзора западной литературы, на протяжении этапа подготовки к расширению в рамках Европейских соглашений происходило не только планомерное сближение значений показателей экономического развития стран ЦВЕ — кандидатов на присоединение — с показателями стран ЕС-15, но также наблюдались изменения в оценках стоимости расширения в сторону их занижения.

Целью данной работы, таким образом, является попытка проанализировать эволюцию взглядов на цену интеграции восьми сравнительно бедных стран в развитую экономическую структуру ЕС и дать ответ, с позиции современного наблюдателя, насколько экономически обоснованным является пятое в истории ЕС (после подписания Римского договора 1957 г.) расширение его границ. Подобно большинству западных аналитиков, в целях нашего исследования мы исключаем из поля зрения Кипр и Мальту — две страны, вошедшие в ЕС 1 мая 2004 г. одновременно с восемью странами ЦВЕ, ввиду относительной незначительности влияния на рассматриваемые явления этих небольших государств, занимающих к тому же более высокую степень экономического развития.

Ранний скептицизм по отношению к грядущему расширению ЕС на восток основывался на чрезмерно высоких оценках стоимости принятия стран ЦВЕ в ЕС, сделанных авторитетными исследователями данной проблемы, такими как Р. Болдуин, К. Андерсон и Р. Таерс. Непосильное обременение консолидированного бюджета ЕС, вызванное необходимостью выделять крупные суммы средств в виде трансфертных платежей на финансирование роста слаборазвитых экономик восточных соседей, в случае их присоединения, вытекало из специфики бюджетных отношений ЕС. В частности, перспектива расширения подняла на повестку дня вопрос о двух комплексах мер, являющихся фундаментальными и достаточно устоявшимися механизмами макроэкономического регулирования Евросоюза. Речь идет о Единой сельскохозяйственной политике (ЕСП) и Структурных фондах (СФ).

Острота проблемы ЕСП и Структурных фондов объясняется преобладающей долей этих мер воздействия в расходной части бюджета ЕС. В долгосрочном бюджетном плане ЕС — Финансовой перспективе 2000–2006 — доли ЕСП и Структурных фондов в общей сумме расходов бюджета обозначены как 46% и 33% соответственно. Эффективность обоих механизмов вызывала многочисленные нарекания даже в условиях гомогенной структуры ЕС-15. Перспектива же их распространения на крупный блок слаборазвитых восточных экономик с высокой долей сельскохозяйственного производства выглядела катастрофической для большинства обозревателей в начале 90-х.

Мы начнем с рассмотрения проблемы *Единой сельскохозяйственной политики*. ЕСП является централизованным финансовым механизмом Евросоюза, изначально призванным обеспечить поддержку производителям сельхозпродукции,

¹ Включает страны, вошедшие в ЕС до 2004 года.

особенно в тех странах-участницах, где удельная доля сельскохозяйственного сектора в валовом продукте государства относительно высока. На протяжении более сорока лет своего существования ЕСП зарекомендовала себя как крайне нефункциональное, однако все же неотъемлемое средство внутренней политики Евросоюза, отчасти ввиду мощного лоббирования со стороны европейских аграриев в пользу сохранения status quo соответствующей системы государственной поддержки. Подобная законодательная инертность привела к тому, что, в результате прямого установления государством завышенных внутренних цен (они получили название поддерживающих) и мощного субсидирования экспорта, к 90-м гг. цены на сельхозпродукцию в ЕС значительно превосходили общемировые, между тем на продовольственных складах пятнадцати стран скапливались непомерные избытки зерна, молока и мяса, не востребованных покупателями и фактически оплаченных за счет бюджета [1, с. 151]. Для иллюстрации экономической несостоятельности ЕСП можно привести оценку, сделанную Дж. Ролло. Исследователь полагает, что ЕСП провоцирует дополнительные издержки со стороны потребителей и налогоплательщиков ЕС-15 в размере более €100 млрд. в год [2, с. 5].

Эксперты по проблеме ЕСП, например Дж. Редмонд и Дж. Розенталь [3, с. 35], К. Хендерсон [4, с. 75], сходятся во мнении, что Политика всегда была проблематичной для стран ЕС-15 и пережила предыдущие этапы расширения союза по причине сопоставимо низких долей сельскохозяйственного сектора в экономиках развитых вновь вошедших стран-членов. Однако беспрецедентная возможность единовременного присоединения большого числа постсоциалистических стран со значительной опорой на сельское хозяйство породила серьезный оппозиционный настрой в академических кругах, подвергнув сомнению перспективу скорого расширения на восток. Так, в 1993 г. К. Андерсон и Р. Тайерс подсчитали увеличение стоимости ЕСП, в случае распространения ее на восточные страны, в сумме \$476 млн. в год, что было больше, чем суммарные затраты на проведение Политики в любом из предыдущих годов [5, с. 7]. Данные, приводимые одним из современных исследователей С. Вэйсом, также малооптимистичны. Согласно автору, в 2000 г. 21,6% работоспособного населения в странах-кандидатах было занято в сельском хозяйстве в сравнении с лишь 4,3 % по странам ЕС [6, с. 5]. Более того, как полагает Р. Болдуин [7, с. 156], климатические условия стран ЦВЕ крайне благоприятны для производства продуктов, наиболее защищенных ЕСП (например, зерновые и молочные культуры, скот), и в случае гипотетического увеличения продуктивности восточных ферм ЕСП оказалась бы разорительна для стран-«старожилов» ЕС.

В 1992 г. в результате реформы МакШерри весьма претенциозный механизм прямого установления «поддерживающих» цен на сельхозпродукцию был заменен системой «прямых выплат» фермерам. Таким образом, в систему поддержки фермерских хозяйств был привнесен адресный характер платежей, и сделана попытка сместить поддержку с производства на производителя. Однако, как полагают Х. Ингам и М. Ингам, в целом реформа МакШерри не смогла устранить всех противоречий ЕСП, и, следовательно, присоединение восьми высокоаграрных стран ЦВЕ продолжало вызывать опасения [8, с. 12, 111]. Наибольшая проблематичность проявилась в необходимости распространить нововведенный механизм «прямых выплат» на эти страны. Именно в этой необходимости теперь выделась непосильность расширения в плане нагрузки на бюджет. К примеру, В. Мунч в исследовании 2000 г. приводит сумму в €6,5 млрд., на которую увеличились бы расходы, связанные с ЕСП, в случае предоставления «прямых выплат» Чехии, Эстонии, Венгрии, Польше и Словении [9, с. 128]. Попытка Европейской комиссии обосновать отсутствие прав у стран ЦВЕ на эти платежи оконча-

лась провалом, однако в 2002 г. Еврокомиссия нашла выход из положения, утвердив компромиссный вариант с постепенным наращиванием объемов выплат фермерам стран ЦВЕ начиная с 2004 г. [10, с. 8]. В этом году ЦВЕ могли претендовать на 25% стандартного размера выплат, постепенно увеличивая норматив до 100% к 2013 г. Мотивируя практичность и обоснованность данной схемы, безусловно выгодной странам ЕС-15 и смягчающей бюджетную нагрузку, Комиссия указала на низкий уровень усвояемости средств «прямых выплат» экономикой стран-кандидатов, что не вызвало особых возражений со стороны этих стран. Существенные изменения в плановые оценки стоимости ЕСП в случае расширения были внесены также проведенной в июне 2003 г., то есть уже после официального утверждения даты расширения, реформой ЕСП. Несмотря на свой запоздалый характер, эта реформа, безусловно, сыграла важную роль в очередной переоценке предстоящих затрат, связанных с ЕСП.

Подводя итог рассмотрению процесса переоценки стоимости ЕСП для стран-участниц ЕС на протяжении этапа подготовки к расширению, приведем последние данные официальных расчетов Еврокомиссии. В своем докладе 2004 г. генеральный директор по сельскому хозяйству ЕС Д. Анер указывает, что полная стоимость ЕСП в постоянных ценах 2004 г. составит €54,3 млрд. в 2006 при росте до €55,5 млрд. к 2013 г. [11, с. 12]. Таким образом, двухпроцентное увеличение стоимости ЕСП в долгосрочном периоде исключительно вследствие расширения ЕС, по мнению Д. Анера, не вызывает опасений. Действительно, если сравнивать сегодняшние цифры с прогнозными расчетами ранних лет (например, оценка прироста стоимости ЕСП, сделанная К. Андерсоном и Р. Тайерсом [12, с. 16], в 1995 г. составляла 37 млрд. экю для сценария присоединения лишь четырех передовых стран Визеграда¹; оценка Р. Болдуина [13, с. 157] 1997 г. для того же сценария составила 19 млрд. экю, что эквивалентно 19%-му росту расходов бюджета), то выясняется совершенно иная картина, где опасения относительно дороговизны ЕСП после расширения Евросоюза утрачивают свою актуальность.

Вторым наиболее серьезным камнем преткновения на пути к расширению до некоторых пор считался инструмент *Структурных фондов* (СФ). Этот механизм изначально создавался как централизованное бюджетное средство выравнивания уровней экономического и социального развития регионов ЕС путем устранения отставания в зонах с неблагоприятной конъюнктурой рынка. Однако, как и в случае с ЕСП, неоднократно поднимался вопрос об эффективности распределения средств СФ между странами и регионами союза. А. Мэйю, к примеру, отмечает проблему злоупотребления некоторыми странами правами на средства из СФ, когда, уже преодолев установленный порог экономического развития (равный 75% среднего ВВП на душу населения стран ЕС), реципиент Структурных платежей продолжал прибегать к ним и в дальнейшем без явных на то причин [14, с. 13]. Неудивительна поэтому сложность в дипломатических переговорах о расширении, вызванная ожидаемым воздействием на сложившуюся систему Структурных платежей так называемого «статистического эффекта» [15, с. 64], [16, с. 9]. Этот эффект заключается в радикальном снижении значения среднего ВВП на душу населения стран ЕС-15 в случае принятия восьми стран со значительно меньшим уровнем ВВП. В 1998 г. средний ВВП на душу населения десяти беднейших регионов стран ЦВЕ был равен лишь 25% среднего значения по странам ЕС-15, тогда как наименьший ВВП на душу населения в ЕС-15 составлял 42% [17, с. 308]. Около 92% населения в присоединившихся в 2004 г. странах в настоящее время проживает в регионах с ВВП на душу населения менее 75% среднего значения по ЕС-25 и более 2/3 всех жителей — в регионах менее чем с половиной среднего значения [18, с. 9].

¹ В число стран Визеграда входят Чехия, Словакия, Венгрия и Польша.

Средний ВВП на душу населения ЕС-25, по данным Еврокомиссии [19, с. 10], в полном соответствии с перечисленными фактами, должен упасть приблизительно на 12,5%, что неминуемо лишит статуса реципиентов многочисленные регионы ЕС, уровень ВВП на душу населения которых выйдет за рамки 75%-го норматива, не говоря уже о регионах таких стран, как Ирландия (с более чем 120%-м показателем). Поэтому с приближением даты расширения остро нарастала актуальность реформирования механизма Структурных фондов.

Однако с целью избежать дипломатических осложнений на пути к расширению, а также в стремлении существенно ослабить нагрузку на бюджет было решено отказаться от полномасштабной реформы сложившихся отношений в связи с перераспределением союзных средств, а взамен установить лимит на предоставление Структурных платежей восьми странам ЦВЕ в размере 4% от ВВП страны-реципиента. Данное решение, как и в случае с ЕСП, базируется на предпосылке о низкой административной способности поглощения средств странами-кандидатами, неоднократно рассматривавшейся в литературе и вполне подтвержденной результатами научных исследований (см., например, [20, с. 15], [21, с. 307]).

Изменения в оценках предстоящих после расширения ЕС отчислений из Структурных фондов, как и в случае с ЕСП, характеризуются убывающим характером. Прогнозные оценки А. Мэйю 1999 г. еще сводились к сумме в размере около 80% от плановых расходов СФ в этом году [22, с. 13]. При этом в основу расчетов было положено допущение о неограниченной способности усвоения Структурных платежей странами-кандидатами. Если в 1994 г. оценка дополнительных расходов бюджета в связи с СФ, сделанная Р. Болдуином [23, с. 243], составляла 26 млрд. экю для шести стран ЦВЕ, то уже в 1997 г. тот же автор приходит к сумме в 13 млрд. экю [24, с. 154]. А. Мэйю [25, с. 14] в работе 2000 г. приводит сумму, требующуюся в 2006 г., в размере €12 млрд. для ЦВЕ-10¹, что соответствует 30%-му увеличению стоимости Структурных операций в этом году. В обоих случаях вышеупомянутый 4%-й лимит, установленный Еврокомиссией, принимается за решающую детерминанту снижения расходов бюджета по статье «Структурные операции». Как видно из приведенных результатов последних расчетов стоимости расширения для союзного бюджета в плане предстоящих отчислений из Структурных фондов, специалисты в целом позитивно оценивают результаты модификации Структурных платежей странам ЦВЕ.

Нам необходимо теперь сделать обобщение по двум рассмотренным вопросам бюджетных отношений ЕС и коснуться предстоящих расходов союзного бюджета в целостности. Большинство специалистов сегодня исходит в своих расчетах из того, что все статьи бюджета и суммы расходов вплоть до 2006 г. были окончательно закреплены в январе 2002 г. в Единой финансовой схеме (Common Financial Framework). Другой отправной точкой при оценке стоимости расширения для стран ЕС-15 является презумпция о непревышении т. н. Потолка централизованных средств (Own Resources Ceiling), первоначально составлявшего 1,27% от совокупного ВВП Евросоюза, а затем сниженного до 1,24%. Данные таблицы 1 свидетельствуют о непревышении порогового значения предстоящими расходами. Так, итоговая сумма расходов бюджета, приведенная в Единой финансовой схеме, равная 1,11% ВВП ЕС-15, настолько мала по сравнению с пороговым значением, что, как полагает А. Мэйю [26, с. 10], разница в 0,13%, способна компенсировать любые непредвиденные расходы (например, в случае замедления экономического роста).

¹ Включает восемь стран ЦВЕ принятых в ЕС в мае 2004 г. плюс Болгария и Румыния.

Таблица 1

Разбивка бюджетных расходов на 2000–2006 гг. Данные расчетов Еврокомиссии

Виды расходов	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
1. Расходы ЕС-15 и внешние расходы							
В соответствии с ФП ¹	1,13	1,12	1,13	1,11	1,05	1,00	0,97
В соответствии с итогом ранних лет и годовыми бюджетами	0,98	1,03	0,93	1,02			
2. Расходы на расширение							
В соответствии с ФП			0,05	0,08	0,1	0,13	0,16
В соответствии с ЕФС ²					0,06	0,11	0,13
3. Общие расходы (=итог расходной части бюджета ЕС)							
В соответствии с ФП	1,13	1,12	1,18	1,19	1,15	1,13	1,13
В соответствии с итогом ранних лет, бюджетами и ЕФС	0,98	1,03	0,93	1,02	1,11	1,11	1,1

¹ Финансовая перспектива

Источник: Б. Карлссон

² Единая финансовая схема.

В перспективе официальные показатели как бы то ни было ограничены 2006 годом. Некоторые исследователи в попытке заглянуть дальше, в период до 2013 г., делают прогнозные расчеты предстоящих расходов в связи с расширением, используя методы моделирования с различными сценариями, в зависимости от статуса реформ ЕСП и СФ. К примеру, результаты расчетов, сделанных Б. Карлссоном, существенно различаются в разных сценариях присоединения стран ЦВЕ. В случае расширения с нереформированной ЕСП и Структурными фондами (этот сценарий уже вполне можно назвать неактуальным) расходы бюджета должны, согласно данным исследователя, возрасти в результате расширения с 0,03% ВВП ЕС-25 в 2004 г. до 0,23% в 2013 [27, с. 16]. В наиболее вероятных сценариях расширения (при средней степени реформирования ЕСП и СФ) к 2013 г. общесоюзные расходы должны составить по разным оценкам от 1,07% ВВП ЕС-15 [28, с. 27] до 1,11% ВВП ЕС-15 [29, с. 69]. Таким образом, по мнению большинства современных аналитиков, потолок в 1,24% не должен быть превышен ни при каких обстоятельствах.

Подводя итог обсуждению проблемы целесообразности пятого расширения Европейского союза на восток, можно обоснованно констатировать факт заметного снижения остроты бюджетного вопроса, произошедшего незадолго до официальной даты расширения. Первоначальный скептицизм вокруг беспрецедентного случая экономической интеграции восьми стран — бывших членов СЭВ — в союз значительно более развитых государств сегодня заметно спал. Если опасения теоретиков по поводу значительной угрозы нарастания дезинтеграционных сил в новом союзе 25 гетерогенных, с точки зрения развитости рыночной экономики, стран не утратили полностью свою злободневность то, по крайней мере, пошатнулась их экономическая опора. Стоит подчеркнуть, однако, что все заключения, сделанные нами, исходят из долгосрочных плановых расчетов Еврокомиссии и аналитиков различных государственных ведомств стран ЕС. Учитывая же малоизученность характера нового этапа расширения, нерациональным представляется списывание со счетов многочисленных случайных факторов, способных повлиять на цену расширения.

Хотя данная работа не преследовала своей целью анализ вытекающих из расширения отношений ЕС–Россия, вкратце мы постараемся назвать наиболее важные вероятные эффекты расширения для российской стороны. Можно утверждать, что, если экономический успех восточного расширения ЕС не будет перевешен непреодолимыми политическими осложнениями в связи с управляемостью столь

крупного блока стран из единого центра, ЕС предпримет попытки дальнейшего распространения на восток (так, уже запланировано дальнейшее присоединение Болгарии и Румынии). Экономически, для России это означает потери торговых связей с бывшими странами-партнерами и необходимость налаживания новых с более жесткими условиями поставок. Кроме того, существует опасность отставания в экономическом развитии по сравнению с присоединившимися к ЕС соседями из-за научно подтвержденного эффекта акселерации экономического роста стран, принятых в союз. При нынешней политике отказа от перспективы возможного будущего присоединения к ЕС Россия предстанет перед серьезной, хотя и отдаленной угрозой макроэкономической изоляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baldwin R., Francois J., Portes R. The costs and benefits of Eastern enlargement: The impact on the EU and Central Europe // *Economic Policy*. 1997. Vol. 24.
2. Rollo J. Agriculture, Structural Funds and the Budget after enlargement // *SEI Working Paper*. 2003. No. 68.
3. Redmond J., Rosenthal G. The expanding European Union: past, present and future. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.
4. Henderson K. Back to Europe: Central and Eastern Europe and the European Union. London: UCL Press, 1999.
5. Anderson K., Tyers R. EC enlargement and East European Agriculture // *Working Paper 792* London. CEPR, 1993.
6. Weise C. How to finance Eastern enlargement of the EU // *German Institute for Economic Research Discussion Paper*. No. 287. Berlin. 2002.
7. Baldwin R., Francois J., Portes R. Op. cit.
8. Ingham H., Ingham M. EU expansion to the East: Prospects and Problems. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2002.
9. Münch W. Effects of the CEEC-EU accession on agricultural markets in CEEC and on government expenditure. 2000. Цит. по: Daugjberg C., Swinbank A. The CAP and EU enlargement: prospects for an alternative strategy to avoid the lock-in of CAP support // *Journal of Common Market Studies*, 2004. Vol. 42 (1).
10. European Commission. Enlargement and agriculture: successfully integrating the new Member States into the CAP // *Issues Paper. SEC(2002)95*. 2002.
11. Ahner D. CAP Reform and EU Enlargement: the future of European Agricultural Policy. European Commission, DG Agriculture. 2004.
12. Anderson K., Tyers R. Implications of the EC expansion for European agricultural policies, trade and welfare. 1995. Цит. по: Baldwin R., Francois J., Portes R. The costs and benefits of Eastern enlargement: The impact on the EU and Central Europe // *Economic Policy*. 1997. Vol. 24.
13. Baldwin R., Francois J., Portes R. Op. cit.
14. Mayhew A. Financial and budgetary implications of the accession of Central and East European countries to the European Union // *SEI Working Paper*. No. 33. 2000
15. Karlsson B. What price enlargement? Swedish Ministry of Finance, September 2002.
16. Weise C. Op. cit.
17. Bailey D., Propris, L. EU Structural Funds, regional capabilities and enlargement towards multi-level governance? // *European Integration*. 2002. Vol. 24 (4).
18. European Commission. Third Report on Economic and Social Cohesion. Summary. 2003. URL: http://europa.eu.int/comm/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/cohesion3/cohesion3_en.htm
19. Ibid.
20. Mayhew A., 2000. Op. cit.
21. Bailey D., Propris L. Op. cit.
22. Mayhew A., 2000. Op. cit.
23. Baldwin R. E. Towards an Integrated Europe. London, 1994.
24. Baldwin R., Francois J., Portes R. Op. cit.

25. Mayhew A. 2000. Op. cit.
 26. Mayhew A. The Financial and Budgetary Impact of Enlargement and Accession // SEI Working Paper. No. 65. 2003.
 27. Karlsson B. Op. cit.
 28. Mayhew A. 2003. Op. cit.
 29. Karlsson B. Op. cit.

*Людмила Николаевна РУСАКОВА —
 доцент кафедры экономической теории
 и национальной экономики,
 кандидат экономических наук*

УДК У01

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ КОРПОРАТИВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

АННОТАЦИЯ. Проведен анализ структуры корпоративной собственности. В зависимости от структуры капитала и структуры контроля рассмотрены три модели корпоративной собственности. Обозначены современные тенденции ее трансформации.

The analysis of the corporative ownerships structure has been carried out. Three models of the corporative ownership are considered according to the capital structure and the control structure. Current trends in transformation of the corporative ownership are described.

Степень реализации корпоративных интересов зависит, прежде всего, от структуры корпоративной собственности и механизма перераспределения прав собственника в пользу более эффективных хозяйствующих субъектов. Мировой опыт свидетельствует, что степень защиты прав инвесторов и уровень концентрации собственности находятся в обратной зависимости.

Анализ эволюции структуры корпоративной собственности в России должен осуществляться через исследование отношений «субъект собственности—объект собственности». Катастрофичность расхищения собственности и манипулирование активами компаний становятся очевидными, когда нарушается взаимосвязь «собственник—объект собственности», и поэтому корпоративную собственность необходимо исследовать в единстве субъекта и объекта собственности.

Если исходить из определения объекта собственности, данного еще Ксенофонтом и Аристотелем, как полезного имущества, выступающего предпосылкой существования любой экономической системы, можно предположить, что основная экономическая функция собственника состоит в создании этого полезного имущества. Развивая эту мысль, изменение структуры корпоративной собственности следует рассматривать в связи с трансформациями, происходящими в российской экономике. Причем генезис структуры должен быть функционально определен.

Общеизвестно, что собственность появляется в ходе присвоения. Противоположное действие — отчуждение. Функциональное значение корпоративного присвоения (исходя из тезиса, что в различных системах достаточной сложности протекают сходные процессы) — это включение (интегрирование) в корпоративную структуру того, что прежде ей не принадлежало. Реальное включение того или иного собственника в корпоративную структуру, помимо акта купли-продажи (внеэко-